

Юрий НИКОЛАЕВ

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022

Николаев Юрий Николаевич родился в 1963 году в с. Студенок Кромского района Орловской области. С 1983 по 2021 год жил в г. Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края. Автор девяти книг стихов и прозы для детей и взрослых. Произведения публиковались в коллективных сборниках дальневосточных авторов, в журналах «Дальний Восток», «Экумена» и в дальневосточной периодике. Возглавлял литературное объединение города Комсомольск-на-Амуре. Член Союза писателей России. Поэт и прозаик. В настоящее время живёт в посёлке Хотынец Орловской области.

МЕНЕДЖЕР

Рассказ

Моё имя ни о чём не говорит. Тем более, что и повествую я от первого лица. К чему вам моё имя?..

«От первого лица»... Хм... Странно это слышать от меня – типа, видящего ЕГО чуть ли не ежедневно... Греховно воображать себя первым лицом, дорогие мои!

Начинал я, как и все, со всякого рода открыток и валентинок. Наша скромная контора находилась далеко не в Лапландии и не на каком-нибудь облаке, как многие это думают. Всё намного серьёзнее и к романтике никакого отношения не имеет. Офис не сверкал белизной почтовой корреспонденции, не благоухал ароматом сургучной смолы – мы шли в ногу со временем и были асами в области офисной техники.

Рутинной нашу работу назвать может лишь человек, замешанный на тесте слёзного пессимизма – мне кажется, что в любом деле можно найти много интересного, даже если это и каменоломня. У нас была не каменоломня. Хуже. Такой массы заказов и желаний перелопатить мог только шагающий экскаватор на жидких кристаллах последнего поколения. Но мы не жаловались. Отчасти оттого, что лучшим из лучших была уготована перспективка повышения.

... Я сидел и пыхтел над заказом некой девочки из Питера, когда меня вызвали к «Первому лицу». Почему «пыхтел»? Заказ этой юной особы был пространен как каприз малолетнего чада Билла Гейтса: «Дарагой дедушка марос хачу штоп папа вирнулса домой»... Впрочем, запомнил я это послание по другой причине – оно было последним...

Офис Босса, невесомо паривший в разных местах Вселенной, тем не менее, в нужную минуту, всегда удивительно оказывался перед тобой. Странно, но он не пугал. Трепет больше внушали огромные стальные двери его приближённых – семи топ-менеджеров, этих древних как мир счастличиков, постигших смысл бытия.

– Вы засиделись в детском отделе!.. – пожурил меня Босс, – в отличии от ваших коллег, засыпающих меня заявлениями о повышении, вы до неприличия скромны... Это признак заниженной самооценки или хитрый ход?!

Я молчал. Кому как не Боссу ведать о нас всё, вплоть до бессознательного. Хотя... кто его знает: есть ли у него время и желание всеведуще созерцать изнанки наших душ?..

– С завтрашнего дня переходите в любой взрослый отдел. Какой пожелаете, – Босс снис-

ходительно улыбнулся, – таким образом, при любом раскладе – вы распорядитесь вашими возможностями разумно, не так ли?!

И я пошёл в отдел «Семейное счастье».

Мечта... А если без романтизма – просто цель. Мало кто догадывается, что это ничто иное как всё то же «Дарагой дедушка марос...». Выросли, научились писать без ошибок. Однако почему-то не пишут: «Хочу повышения по работе!», «Хочу мужа!», «Хочу BMW»... Гордые... Хотят всего добиться сами. Глупые, ну чисто дети...

Нет, оно, конечно, нате! Нам не жалко. Это даже хорошо, что вы, дорогие повзрослевшие ребяташки, не верите больше ни в Дедушку Мороза, ни в прочих посредников в мир счастья и совершенства. Иначе бы вы и палец о палец не ударили.

Суть-то в чём? А она в том, что мир – не резиновый, счастье – не бесконечный конвейер с вылетающими экземплярами мужей и авто. Мир – капризная субстанция, бурлящая, кипящая, с весёлым улюлюканьем мчащаяся по вселенной. Она и держится – то, существует за счёт наших с вами желаний. Иначе на фига ей это всё надо!..

Принцип этой субстанции прост: хочешь что-то получить – надо чем-то жертвовать. Рынок, так сказать, материально-нравственно-духовные отношения. Это закон. Конечно, некоторые особо одарённые умудряются бессовестно и ненасытно раздвинуть границы своих желаний. И иногда им кажется, что они добились этого без ущерба для себя и своих близких. Но это только кажется. Просто плата по счёту, по причине неудержимости желаний, где-то запоздала. Но счётчик тикает. Расчёт будет по полной.

Первую встречу со смежником я запомнил навсегда. Всё «первое», мне кажется, изначально обречено на вечное блуждание по лабиринтам памяти.

Клерки не имели имён. В целях конспирации или по какой другой причине – никто никогда из наших не задумывался над этим вопросом. Сейчас, когда я стал встречаться с ними, я понял – почему. Они были на одно лицо. Иногда даже

казалось, что мы встречаемся с одним экземпляром, умудряющимся поспевать на все аудиенции одновременно...

– Пять мальчиков... – начал я. Начал легко, как и подобает мастеру. Впрочем, и открыл я нашу встречу со смежником не с самого сложного. – Сколько можно? Родители хотят дочь.

Смежник раздумывал секунды две. Даже скорее не раздумывал, а бегло разглядывал меня – новенького.

– Один мальчик вскоре умрёт.

– Варианты?! – без паузы насел я. Как учили.

Клерк насупился.

– Мать проживёт недолго... Ещё?

– Да!

– У малышки будет ДЦП...

– Ещё!

– Они будут жить в нищете. Всю жизнь.

– Всё?

– Увы.

– Окей, я выбираю последнее.

Клерк пожал костлявым плечом и ткнул волосатым пальцем в планшетник, лежащий на коленях.

– Двое, немолодая уже семья, вообще нет детей. Детородный возраст матери на грани, но теоретически всё возможно... Короче, очень хотят ребёнка.

– Мать умрёт при родах.

– Чёрт! – то ли выругался, то ли перешёл на личности я, – можно было это и опустить! Варианты!

Клерк усмехнулся уголком тонких губ.

– Наследник проживёт недолго. Всё.

– Не густо, – мой голос выдавал раздражение, – недолго – это сколько? Он может пережить их хотя бы на один день?

Теперь раздражение чувствовалось в голосе собеседника:

– Да.

– Без вопросов. Я беру второе...

– Замётано!

– Далее: мужчина, потерявший голову, ушёл из семьи к новой пассии. Оставил двух девочек. В новой семье – два маленьких мальчика от первого брака.

Клерк нервно шевельнул ноздрями.

– От меня что надо?

– У вас в конторе заявка – проклятие брошенной женщины. Оно имеет силу?

– Это наша прерогатива, юноша! От вас заявка есть?

– От меня лично, есть! – я холодно впился в его бесцветные зрачки, – проклятие имеет силу?!

Его когти царапнули крышку планшета.

– Любое проклятие имеет обратное действие, вы это прекрасно знаете.

– Да, – я вежливо улыбнулся, – меня как раз и интересует суть противодействия.

– Да что угодно, выбор обширен: болезни, нищета, вечное уныние...

– Можно ли данное проклятие просто не принимать на рассмотрение? – прервал я его.

– М-м-м...

– Это же ничего не стоит. Более того, это значительно облегчает вашу жизнь.

– Вы прирождённый Клерк! – видимо, это был комплимент, но я не знал, как реагировать на него. Я промолчал.

Следующим пунктом проходил несчастный подросток, отравивший отчима. Мне очень хотелось спасти его. Хотя было жаль и мужчину, умершего в мучениях.

– Колония, – вяло констатировал Клерк.

– Доказательство состояния аффекта.

– Это что, торг?! А такого варианта нет! Даже с клиникой! – оскалился мой оппонент.

– Вы даже не взглянули в перечень, – с надеждой напомнил я.

– Ах, оставьте, юноша... я по этим недорослям кандидатскую защитил.

– Ну, хорошо, тогда ещё варианты.

– Его самого во взрослом возрасте прикончит пасынок.

Меня передёрнуло внутри, хотя внешне я держался достойно.

– Ещё!

– ВИЧ-инфицирован.

– Ещё!

– Суицид. Всё!

– Колония... – устало выбрал я, – надеюсь, он перешагнёт через это. Он сильный пацан...

Дни моего пребывания в новой должности летели бесконечными страницами из недр принтера жизни. Я не уставал. Больше меня, скорее,

уставала моя юная спутница, вечно капризная по поводу и без. Мы были вместе уже давно, с первых дней работы. Её милое личико, с широко распахнутыми в мир глазами, наверное, могло стать условным логотипом детского отдела. Мисс Детская Мечта! Но она не жалела об этом. Перспективы повышения даже страшили её.

Она приходила в наше гнёздышко раньше меня, создавая уют на обеденном столе, в спальне и в моей душе. Мы непринуждённо болтали о прошедшем дне, обнявшись, с полуслова понимая друг друга.

– Представляешь, все девочки помешаны на этих Барби!.. – искренне возмущалась любимая, – просто какая-то барбинизация детства...

– Болезни преследуют семью во всех поколениях... Тяжёлые и неизлечимые... Это, конечно, следствие, но должно же быть прощение?

Клерк приподнял подбородок.

– Рано. А чем вас не устраивает приличный достаток семьи, успешный карьерный рост?

– Это компенсаторные механизмы, уважаемый? Я не вижу связи.

– А вы их прикажете святыми великомучениками сделать?

– Прощение!

– Нет! Ещё пару поколений придётся помучиться.

– Э-э... как вы говорите – «успешный карьерный рост»? Забирайте его к чертям собачьим. А достаток оставьте.

– Ну-у?..

– Дети не должны болеть. Я предлагаю компромисс. Дети не могут быть оружием возмездия.

– М-м-м-м... Вы дьявол! Люди бьются лбами, недосыпают, недоедают, жертвуют временем, чтобы реализоваться! А вы раз – и нет карьеры!

– Дети не должны болеть!

Клерк встал и выпрямился. Он был выше меня, но ненамного – на рога.

– Хорошо... Дальше.

– Есть что-то новое по детским домам?

– Юноша, смею напомнить, Вы – из отдела «Семейное счастье».

– Хм, спасибо. Именно поэтому меня интересуют детдомовцы.

– Ничего особенного. Усыновление и попечительство уходит в прошлое... Варятся в собственном соку.

– Меня интересуют браки между выпускниками приюта и обычными молодыми людьми. Их должно быть больше. Намного больше. При этом браки должны быть по большой обоюдной любви. И безо всяких ваших штук... Пусть хотя бы в этом возрасте у кого-то появятся родители.

– Чёрт с вами... Без проблем.

– Спасибо, – я улыбнулся и почему-то добавил: – Вы ангел!..

... – Ты меня совсем не слышишь! – Любимая смотрела на меня в упор. Её губки, вечно готовые к поцелую, были сжаты, бровки сошлись орфографической галочкой.

– Извини, задумался. Ты что-то сказала?

– Да, я говорила о Барби. Мне кажется, что девочки становятся похожими на своих кукол, ты не находишь?

– Ты о внешнем облике или внутреннем содержании?

Она не ответила. Внимательно всматриваясь в меня, провела ладонью по моей небритой щеке.

– Ты долго задерживаешься на службе, дорогой. Это важно для тебя?

– Да, конечно. Самое главное – это важно не только для меня...

Клерк не спускал с меня холодных глаз. Не исключено, что мы с ним ещё просто не знакомы, поди их разбери. А, может, это всё тот же тип, проникшийся ко мне пиететом. Я невозмутимо открыл ноутбук.

– Маменькин сынок сорока лет, живут вдвоём, пора бы уже самому обзавестись семейством, но маменька... наверное – из ваших.

– А вы шутник. Нет ничего проще: смерть маменьки и вэлкам, новая жизнь.

– Вы случайно не были знакомы с Берией? – не к месту сострил я, – варианты!

– Это лучший, уверяю вас!

– А всё-таки?

– Пока жива мама-деспот, сыну не светит счастливая семейная жизнь.

– Варианты!

– Один. Его събьёт грузовик. Он станет инвалидом-колясочником. И только тогда мамочка, из сострадания к чаду, разрешит ему встречаться с одной заботливой сестричкой милосердия... Покладистой и безмозглой. Они будут жить долго и... Короче, хэппи энд. Как вам?

Я почувствовал какую-то тяжесть внутри. Наверное, впервые. Преховная мысль о преимуществе смерти медленно опутывала, связывала чем-то колючим крылья под моим одеянием. «Менеджер не должен желать смерти человеку!» – мысленно обратился я к Первому лицу. Ответ был быстрым и безапелляционным. Как гильотина. «Обращение пришло от чада этой женщины! Запрос на счастье – его! Если нет запроса от матери – во внимание берётся только его счастье, и ничего более!»

Я взглянул на Клерка. Он был мрачен.

– Первое... – выдохнул я и закрыл пятернёй лицо.

«Босс, это жестоко!»

«Это боль во спасение, сын мой!..»

Не хватало ещё в первые дни работы подхватить эмоциональное выгорание. Мне надо расслабиться и успокоиться. Работать ещё столетия.

– Добрый вечер, любимая! Как твои дела?

– Привет! Кофе хочешь?

– Да, спасибо. Как Барби?

Её пальцы, нежно перебирившие столовые приборы, замерли.

– Ты о чём? Прикальываешься!?

– Это от своих подопечных ты нахваталась сленга?

– Это нормальный язык, дорогой, а если ты хочешь меня унижить, то ты обломишься! Я хорошо делаю свою работу, и между прочим, Барби для некоторых важнее какого-то абстрактного семейного счастья...

Поговорили.

– Мать. С большой буквы. Ярая противница абортот. Сложность в том, что она не успела до свадьбы познакомиться супруга со своими принципами. Детей уже семеро. Муж просто истерит, взывая к Небу. Надо спасти парня!

Клерк равнодушно пощипывает бородку.

– Мор.

– Да Бог с вами!.. Э–э... простите... Нет, просто нужно остановить это плодоношение!

– Несчастный случай на производстве отца и ампутация источника его проблем.

– Несмешно... Ещё варианты есть?

– Смерть матери. Обычное дело – рак груди. Всё.

Я молчу. Мне не хочется анализировать, мне хочется уйти в детский отдел, к Барби. Я аннулирую заявку многодетного папаши. Пусть срывается.

Слишком мал выбор. Слишком. «Босс, почему всё так категорично?!»

«Юноша, когда бы на земле царил в своём легкомысленном уюте союз двух сердец – выбор был бы бесконечен. Собственно, целый штат менеджеров был бы мне без надобности. Ты страдаешь? Твоя душа не должна быть причастна к суете мирской, ты – житель неба! Просто делай свою работу».

– Любезный, очень много запросов одного содержания: отношения влюблённых на начальной стадии. Возможно ли сделать эти отношения неизменными на протяжении всей жизни?

– Хм... Вы, посредственность, дремавшая на лекциях, я рушу этот миф уже лет сто. А вы всё надеетесь и надеетесь... Ну хорошо. По существу: бездетность, инвалидность, в том числе психические расстройства...

– Оставим.

– Как скажете.

Я уловил в облике Клерка некоторую несхожесть с предыдущими. Да, со временем их можно будет различать. Назову этого «Столетний хам».

– Мужчина, в вечном поиске своего идеала. Женат был уже раз шесть. Его разболевшаяся, уставшая от разочарований душа, требует хотя бы приближения к идеалу. Давайте что-нибудь сообразим, а! Даму я ему подыщу.

– Шесть... моё любимое число. Соображаем: это случится не раньше семидесяти лет.

– Варианты.

– Всё идеально, но без секса.

– Это же почти то же самое.

– Ну, не скажите... Я, вот... э-э-э... ну ладно...

Последний вариант – однополый брак.

– Вы шутите?

– Отнюдь. Это всё.

Я поморщился. У меня внутри возникало необычное чувство, не идентифицированное разумом. Этакая смесь стыда, никчёмности и ответственности.

– Давайте первое. Ему жить ещё долго.

– С идеалом-то... кто бы сомневался. Но скучно.

– Далее. Женщина, с огромным комплексом вины. Просит прощения и очищения.

– А-а... Блуд! Гореть ей...

– Мы рассматриваем только земную жизнь, милейший!

– Бездетность.

– Варианты.

– Болезни, как физиологическое следствие.

– Ещё.

– Её дочь пойдёт по её стопам.

– М-да. Ещё.

– Увы, это всё.

– Я выбираю болезни.

– Логично...

«Столетний Хам» колдует в своём гаджете, искушая меня в эту паузу снова мысленно обратиться к Боссу.

«А что бы выбрала сама грешница? Не предпочтительнее ли игнорирование запроса? Что страшнее: боль физическая, или боль душевная?»

Тишина. ОН размышляет...

– Милая, прости – я задержался сегодня. Ужин остыл?

– Он покрылся льдом, дорогой. Мне приятно, что ты ещё помнишь о моём существовании.

– Не обижайся, просто у меня очень сложный период, я адаптируюсь.

– Устраиваешь чужие судьбы?

– Я работаю. В мире много несправедливости.

– А нет ли немного места для меня в твоём мире?

– Прости, не дуйся...

– Отвали!..

– Девушка, очень молодая, но уже успевшая возненавидеть весь мужской род. Причины понятны. Она тонка, изящна, изучает литера-

туру Серебряного века. В её представлении муж-чины – похотливые животные. Но ей хочется семьи и детей. Если мы находим ей юного воспитанного интеллектуала – что мы теряем?

Клерк вздыхает. В пустоте его глаз лёгкий блеск сентиментальности. Нет, это не вчерашний «Сто-летний Хам». Я назову его «Нежный».

– Она встретит своего интеллектуала, будучи беременной отпрыском неизвестного «похотли-вого животного».

– Ещё.

– Второй вариант – её избранник бесплоден.

– Ещё.

Снова вздох.

– Годам к тридцати пяти её физиологические потребности перевернутся с ног на голову. Она слетит с катушек и предается разврату со всеми встречными особями мужского пола, станет пить, сквернословить и поливать грязью симво-лизм, модернизм и собственного мужа – неудач-ника...

– Достаточно! Хватит! Вариант – первый. Далее... Мужчина, около сорока пяти лет. Он слишком много сил и времени отдаёт работе. Семья, любимые дети не видят его неделями. Запрос идёт именно от него и трудность его в том, что уже слишком поздно: огромный пласт ответственности, тысячи верящих в него подчи-нённых и прочая, и прочая...

– Незаменимых – не бывает. Кажется, так гово-рят люди? Он попадётся на взятке и будет весь остаток своей жизни рядом с семьёй.

– Он честен... Хотя, простите, я забыл – кто передо мной. Ещё.

– Автокатастрофа. Инвалидное кресло.

– Ещё.

– Покушение. Травма черепа и полное слабоу-мие. Семья – в его объятиях! Всё.

– Взятка.

«Нежный» азартно шевелит желваками.

– Что-то ещё?

Глупо уповать на личные симпатии, когда есть общие инструкции. Но мне хотелось продол-жить именно с ним.

– Да. Несметное количество обиженных юно-шей и девушек. Конечно, в силу их нигилистиче-ского атеизма, в заявках всего-то единицы, но...

– В чём суть запроса?

– Развод родителей. Очень большая тема для рефлекслирующих детей. Есть ли выход?

– Хм. Только вход. Ваше дело – принять заявку. Мало шансов, что к вам придут одно-временно две заявки: от брошенного чада и от мечущегося родителя. Выбора не будет. Будет только удовлетворение запроса конкретного лица. Итак...

Мне почему-то вспомнилось «...штоп папа вирнулся домой». М-да. Это всё то же кино.

– Девушка. Шестнадцать лет. Страдает. Развод родителей довёл её до невроза, бросила школу, всё чаще посещают мысли о суициде. Я могу вер-нуть этого зас...ца.

– Я не сомневаюсь. Но через пару месяцев у вас появится заявка от папы. С теми же последстви-ями: невроз, самоубийство... Он же не на фут-бол пришёл.

– Давайте разбираться с ребёнком.

– Окей. Возвращение отца это вам не Repeat на записи. Предательство не может быть «как будто» и «понарошку», предательство не имеет времени, достаточно того, что оно просто случи-лось. Ребёнок меняется. Взрослеет в одночасье, становится озлобленным, замкнутым. И он оста-нется таким, даже если нагулявшийся папашка и вернётся в семью, что, кстати, очень редко.

– К чему Вы клоните? Я не имею права остав-лять заявку без рассмотрения.

– А мы её рассмотрели, Вы не заметили? Я предлагаю пожизненное подавленное состоя-ние отрока и страдание родителей. Вам по-преж-нему хочется вернуть его домой?

«Это невыносимо!.. Ты жесток, «Нежный».

«Босс, это неправильно! Это безжалостно! Я не ропщу, я пытаюсь понять – почему?! Почему люди не должны жить счастливо? Все, одновре-менно!..

– Ты опять пришёл слишком поздно. Мне не нравится это!

– Извини...

– Ты чем-то озабочен, милый?

– Всё в порядке... – я нелепо вожусь с оде-ждой, не понимая, что который раз расстегиваю и застёгиваю одни и те же пуговицы.

– Ты куда-то собрался?

– Я? Да.

– У тебя кто-то появился? – голос любимой спокоен, но я чувствую, что это уже последние слова, произнесённые таким сдержанным тоном.

Мы с ней уже давно не вместе. Кто знал, что и мне когда-нибудь придётся сделать выбор. Я выбрал свою работу, в которой растворился как капля горячего воска в купели. Время не мелькало. Оно превратилось в одну пёструю массу размытого видео, в котором я – далеко не зритель. Я участник, вершитель и хладнокровный свидетель искалеченных судеб. Менеджер бессилен, менеджер – многострадальный жрец с атавистическими перьями под стильным пиджаком.

Это не по мне. Я не верю, что счастье человека спрятано за жалким перечнем вариантов.

Я думаю, что жизнь – не такая, в ней столько цветов и оттенков...

– Слушаю тебя, сын мой!

– Босс, мне плохо! Моё сердце начинает разрываться на части, на миллионы частей!..

– Это хорошо, Менеджер.

– Я не понимаю... Я возьму отпуск, Босс?

– Да, конечно. А знаешь... лети-ка на Землю. Только не торопись возвращаться, сын мой: уходи на год, на пять, на сто лет, если понадобится – на тысячу. Просто живи!

Ты нужнее там, среди людей.

Я где-то здесь... Я рядом.

